

Владимир Шумилов

Кузбасс, Кемеровский округ, д. Смолино

И ЖИТЬ ВЕСЕЛО, И ПОМИРАТЬ НЕСКУЧНО

Заявление

За столом сидел старик. Время от времени дымя самкруткой, выводил дрожащей рукой на линованном листке бумаги: «Я, Митрофан Подберёзовик, солдат Великой Отечественной, кавалер орденов Славы и Красного Знамени, прошу поставить меня в очередь на получение конно-гужевого транспорта в одну лошадиную силу, то есть коня, в замен полагающегося мне, согласно указанию губернатора, автомобиля «Запорожец». В чём собственноручно подписываюсь – Митрофан Подберёзовик. Апрель 1985 года».

Сидевшая на диване жена, Фёкла Парфёновна, шустро перебирала в руках вязальными спицами. Когда старик закончил писать и, отложив ручку, свернул тетрадный лист вдвое, превратила на время вязание и, встав с дивана, заворчала:

– Говорила тебе, старому дурню, ещё в прошлом году, пиши бумагу на животину, нет, смотрите, машину ему подавай. На кой она тебе под старость лет? Хомута на шею не вешал?

Митрофан понимал, что лучше для них будет лошадка. И безопаснее и практичнее. Всеподгодная гужевая повозка в одну лошадиную силу, что сельский вездеход, не иначе!

Тут тебе ни бензина, ни хлопот с техосмотром, ни прав на вождение. Не надо дышать при случае в пробирку. Сыпани с полведёрка овса, кинь охапку сена – и полный порядок. А что касается ГАИ, так об этом и говорить не стоит. Держи крепче вожжи в руках и езжай на все четыре стороны, хоть вдоль, хоть поперёк. Нет, что ни говори, а права старуха. Он закурил снова.

И всё-таки причиной написания заявления был случай трехнедельной давности...

Сосед, фронтовик Семён Поморцев, получивший от властей «Запорожец» с ручным приводом ещё в прошлом году, собрался с женой в район. Узнав об оказии, Митрофан напросился на поездку. Надо было показаться хирургу. Давали знать о себе старые раны. При смене погоды осколки ходили ходуном в теле старика, вызывая боль в боку.

– Всем места хватит, – отшутился Семён.

Время перевалило за полдень, когда, освободившись от дел, возвращались домой. Накатанная сельская дорога убежала чёрной змейкой за горизонт.

Митрофан и жена Семёна мирно дремали на заднем сиденье. Вскоре и сам водитель стал «клевать» носом. Первое время долго боролся с сонливостью, пока глаза и вовсе не сомкнулись. Став неуправляемым, автомобиль угрожающе приблизился к обочине, забрав влево. Оказавшись на краю насыпи, «Запорожец» накренился и медленно завалился в кювет набок.

Очнувшись от легкого удара и осознав случившееся, пассажиры стали выбираться из ма-

Владимир Александрович Шумилов родился в приморском селе Фроловка 7 июня 1954 г. Детство и школьные годы прошли в с. Борисово, Крапивинский район Кемеровской области. В 1976 году окончил Тихоокеанское высшее военно-морское училище им. адмирала С. О. Макарова, г. Владивосток по специальности «Военный инженер радиосвязи». Проходил службу на Тихоокеанском флоте на офицерских должностях. Капитан-лейтенант в отставке. Член Союза писателей России с 1998 г. Автор 12-ти сборников стихотворений и четырёх книг прозы. Почётный работник культуры Кемеровского района Кемеровской области. Имеет правительственные, ведомственные, областные и районные награды. Имя В. А. Шумилова присвоено Борисовской сельской библиотеке Крапивинского муниципального округа Кузбасса в 2020 г. Пенсионер. Проживает в д. Смолино Кемеровского округа.

шины. Когда все покинули автомобиль, раздался небольшой хлопок. Из-под крышки двигателя вырвалось пламя. Охая и пуская маты, Семён прыгал на деревянной култышке вокруг горящего «Запорожца», не зная что предпринять. Черпая пригоршнями землю, жена пыталась сбить пламя. Хозяин бросил взгляд на дорогу в надежде на помощь, но её не было. Округу резанул сочный мат. Видя, что все их усилия бесполезны, плюнул в сторону и, застыв, стал смотреть, как тот догорает. Через полчаса от «Запорожца» остался обгоревший чёрный остов. Семён в досаде выпалил:

– Бог дал, Бог – взял! – Махнув рукой в сторону груди железа, стал выбираться на насыпь, где уже стояли жена с попутчиком.

После этого случая Митрофан скумекал, что транспорт в одну лошадиную силу будет, пожалуй, понадежней.

Как раз в канун празднования сорокалетия Победы он и получил свой транспорт, чему был рад от души...

Дорожная тайна

От Екатеринбурга до Тайги всего-то сутки в пути. И так себястроишь на полке, и этак, а нет, болят бока. Вот она, треклятая казёнщина и нищета мирского быта. Можно, конечно, себя чувствовать и покомфортнее, ежели в мягком вагоне ехать, да только не по карману оно многим. А вообще-то, как ни хорошо в пути, дома лучше. Это я вам говорю, Иван Беспутный.

Чего только не насмотришься за дорогу, в каких переделках не побываешь, какие только мысли тебе не навяжутся. А то как же, что за дорога без приключений? Неудобства неудобствами, а сервиса, скажу вам, прибавилось. Как? А очень даже просто! Народу поменьше, в купе потише, а то как же. Хотя накладно получается. Тут тебе и телевизор, библиотека, и немые услуги предлагают, порнушкой приторговывают. В вагоне тепло, не то что прежде. Но это спорно. Может, оттого, что на улице нулевая температура. В этом году везде тепло. Может, Боже сжалился над нами, сибиряками, али, Сам в отпуске, а заместитель пашет. А мне кажется, надоели ему жалобы мирян на необустроенность и неуют. Чего это одним – тепло, светло, фрукты, ягоды, а другим – хрен с маком. Аж от Европы до Находки ни одной хорошей сводки. Помню, в прошлом месяце сосед Васька говорил, скоро у нас посередине Сибири, Юга образуются. Вот вам истинный крест! Материк теплеет, по три сантиметра земля на лед наползает в году. А мне так кажется - не три, больше. Вона, на поезд садился, так все шпалы водой залиты. А между ними всего-то метр с кепкой. Хотя, как знать.

Так вот, чудится мне: Боже наш заменил своего заместителя, ну, самого главного коммунальщика. А то! Новый взялся за дело с пониманием, сурьёзно. Подлатал тучки, подсушил, подогнал, учёт навёл. А то как же?! Инвентаризацию провёл, она везде нужна. В доме у меня Матрёна все до единой кастрюльки в уме держит. Знает, где крынка с молоком, где со сметаной.

Вообще-то, всё бы ничего, если бы не взбираться в этом купе на вторую полку. А что тут смешного? Это молодым всё нипочём, раз и тама. Прыти и силёнок немерено. А ты попробуй в мои семьдесят годков. Вот то-то и оно! Соображаешь? Наверное, за эти сутки на дерьмо бы изошёл, если бы не соседи по купе. Они хотя и помоложе, больно компанейские оказались. Видят: маюсь этим самым, спиндозом, это когда спина без дозы голову не воспринимает, помощь предложили. Давай, говорят, дед Иван, базируйся на нижний ярус, меняй свою слакацию, а то тебя бабка не дождётся. Не ровен час, грохнешься, а трупов нам не надо. А какая мне слакация, кроме Тайги.

Притормозил поезд на Ишиме, а молодые и загоношились. Тот, кого звали Петрухой, спрашивает: «Ты, дед, за белых али за красных?»

Я сразу не скумекал. Поспросить-то постеснялся. А он мне снова: «Так как, дед, время стоянки всего пятнадцать минут.» Видит, что я умом уже в Гражданскую вдарился, выручил. «Ты,

говорит, какую пить будешь? Белую али красную?! Тут до меня дошло, даже рассмеялся. А потом махнул рукой. На тебе на общак полсотни рублёв, не обеднею со старухой. Всё время незаметнее пройдёт.

Стоило поезду тронуться, все как один начали говорить об одном – «Всевышнего» вспоминать. Куда, мол смотрит, куда глядит. Ну, думаю, молодёжь. Вы бы в ейные времена засумлевались. И Бога вам припомнили бы, и партию заставили почитать. А то как же! Вот сорок к ряду годков на ракетах летаем, а толком так и никто не сказал, есть он, этот самый Бог, али нет? Видел кто его али нет? Я-то знаю, когда кому надо – он есть, ну а не надо, так и нет! Такая наша лектика, как мой племяш гутарит.

И до того мы заспорились с молодыми, что голова кругом пошла. Выпил ещё стопку, тут-то меня и понесло в мир иной. И не то, чтобы сон одолевает, несёт в пространство, плыву, словно ангелок. То батюшку своего сельского вижу, то секретаря партийной ячейки нашей Семёна Печеника. И оба стараются поспрашать у меня! И так хитровато щурят глаза, словно говорят, давай, мол, Иван, на чистоту, что и как.

Приоткрыл глаза, а сосед по полке меня тормозит за плечо. Ты, мол, чего, дед, стонешь, и протягивает мне очередной стопарик. Давай, дедуля, за мировое благоденство. Во как! Благоденство!

Что такое, я не понял, но выпил. И тут стало так хорошо, что снова куда-то взлетел.

Иду по просёлочной дороге в сторону нашей деревенской церквушки, как бы к благочастивому отцу Василию, а тут: хрясь из ворот соседнего дома, Мишки Евсюка, парторг наш выходит. И так со мной ласково: «Здравствуй, Иван Дормидонтыч», и в пояс. Ну, думаю, свет с ног на голову перевернулся. Наклонился ко мне и на ушко: «Ты, Иван, там Его не видел?»

Глянул, куда кажет парторг пальцем, сообразил, о Боге спрашивает. Огляделся – никого. Думаю, что ему сказать, чтоб мужика-то не обидеть. Знать, что-то не то, раз о Нем спрашивает.

Я ему также тихонько, на ушко:

– «Вот как тебя.»

– И каков он?

– Ничего мужик. Только с бородой, как дед Прокопий, и в рясе позолоченной, а вокруг эти самые порхают, ангелы!

– Ага, – говорит. Снова ко мне и на ушко: – Смотри, Иван, боле никому не говори о нашем разговоре, и о том, что там видел.

Не успел я толком внять, что к чему, а его и след простыл. Вот такие дела. Ай, думаю, что наделал. Шёл к батюшке, к отцу Василию, собирался свечку поставить, а так с партийной властью обошёлся. А потом, думаю, ладно, поставлю две свечки, может, и вправду человек в Бога уверовался, интересуется. А что, у нас сейчас вон все первые богослужащие и богоугодники, во главе с Первейшим в церковь ходят. Вот и этот, может, тоже перековался.

Свечку в церкви я поставил, с сестрой Матрёной поговорил, ручку поцеловал, и только с порога в мир земной, а меня батюшка под ручку и в сторону. Оглянулся как-то странно и в келью ведёт. Ну, думаю, прознал про мои грехи перед партийцем нашим, на исповедь ведёт. И точно! Усадил меня на лавку, перстами окрестил, заглянул за дверь и вопрошает. Так тихо вопрошает, что еле докумекал:

– Скажи мне, Иван, сын Дормидонта, а побывав там, ты его видел? – и пальцем показывает вверх. – О Господи, и он о тебе. Да что это сегодня они все об одном? Видно вправду прознал о разговоре с парторгом. Догадка догадкой, а что-то надо отвечать. Окинул я его келью и, чуть наклонившись, тихонько говорю:

– Нет, Батюшка, не видел Его там!

Батюшка тут же перекрестился, палец к губам и говорит полушёпотом:

– Сын мой, никому не говори, что его там нет!

Ну, думаю, слава тебе, пронесло с партийцем. Только об этом подумал, а передо мной образ явился. С бородкой и в белом одеянии. Положил руку мне на плечо и давай трясти, да так сильно, что, потеряв равновесие, я упал, больно обо что-то ударившись головой.

Открываю глаза, вижу: лежу на полу в купе между нижними полками, а над головой столик. И только хотел почесать ушибленное место, как дверь отошла в сторону.

– Что, дедуся, потерял восприятие к миру земному? Давай помогу. – Молодой помог мне встать, усадив на полку.

Откуда, думаю, знает, что я был там, наверху? А он мне:

– Давай, дедуся, дёрнем по чуточке пивка, поправим подорванное здоровье, и стакан с пивом подаёт.

Осушил я его, вспомнил о своей суженой. Верно, ждёт. В думах и не заметил, что снова провалился в мир иной, сохраняя тайну партейца Мишки и отца Василия.

